

Стояло сухое жаркое лето. Редкие, коротенькие дожди с грозами да тёплые ночи не могли не запомниться Лильке. Знойными днями грезилась родная Алма-Ата – солнечный, ласковый среднеазиатский город с неповторимыми садами, парками, с его вкусным мороженым, приветливыми жителями, говорливыми торговцами на восточном базаре. Лилька любила Алма-Ату, и казалось, что нет более тёплого места на земле.

Не хотелось, ой как не хотелось студентам прощаться с большим сибирским городом Томском, но уезжать всё равно было нужно. Завершилась защита дипломов, но сердца студентов грела мысль о будущей новой жизни – их ждала интересная работа, знакомства с коллективами, людьми, с кем придётся трудиться. Лильке предстояло учиться ещё год. В Томске царила полная свобода. На светлолицую, худощавую и глазастую девушку накатывало какое-то необъяснимое ликование – чувство эйфории и восторга, когда хочется делать простые милые глупости: прыгать, танцевать и кричать что есть силы звонким, ещё детским голосом задорное «ура!».

Лиля вернулась в общежитие с простой обстановкой, обшарпанной, но всё же вполне пригодной мебелью. Неприхотливым студентам не важны условия: главное – крыша над головой и весёлая компания. В тесной уютной комнате оставалось собрать чемодан, перекусить на скорую руку и – домой, в Алма-Ату. Девушка заметила на столе записку. Небольшой, с неаккуратными краями кусочек листка был исписан ровным, но быстрым, немного поспешным почерком, будто человек, писавший записку, сильно торопился.

Лилька прочла: *«Любимая моя сестричка! Меня направляют на достойную работу, которую я ждала давно. Времени нет, нужно спешить. Всё взяла с собой, но зимнее пальто и тёплые вещи не вместились, попросту не хватило рук. Ах да, едва не забыла! В узел с одеждой я положила посуду! Несколько тарелок, чашка, кастрюля и сковородка – вес небольшой. Дорогая, у меня просьба к тебе: привези мне этот узел, на тебя вся надежда. Только смотри не разбей тарелки!..»* Далее следовал адрес.

«Но где же сама посуда и вещи?» – подумала девушка, не сразу заметив возле кровати мешок внушительного размера.

– Вот это подарок! – невольно вырвались слова. От бывшего восторга не осталось и следа. – Как же тащить этот узел?

В душе Лилька протестовала, но послушаться старшую сестру Тамарку не могла. В записке была указана деревня, куда уезжала Тома, но как же добраться до места назначения?

У сестёр не было родителей. Папа погиб на фронте. Он командовал ротой связи в Прибалтике. Мама сильно переживала смерть мужа, и сразу после войны тяжело заболела. Умерла она в сорок шестом году, а Лилю и Тамару забрала мамина сестра. Жили они бедно. Тётя Вера, заменившая близкого и самого дорогого человека, старалась дать девочкам всё необходимое: как могла одевала, кормила. Работала тётя Вера на двух

работах. Утром она уходила в быткомбинат, где была закройщицей, а после основной работы мыла полы в конторе домоуправления. Воспитывала своих, как она говорила, «девиц» в строгости, хотя была и нежна. Приходила тётя Вера домой ни жива ни мертва – упасть бы в постель, да брала работу: платёе сошьёт – лишняя копейка в радость. Уложит спать девчонок, а сама за выкройку садится.

Лилька ещё в школе хотела стать врачом. Бывало, притащит домой грязного, блохастого и больного котёнка, выхаживает его, лечит, молочком отпаивает. Тётя Вера ругается: «Зачем этих заморышей домой несёшь, инфекции разносишь!» Потом увидит, как старается Лилька, переживает, сидит, будто над ребёнком, и раздобрится. Смотришь, сама уже наглаживает нового члена семьи. Тамара посмеивалась над сестрой: «Приходите к ней лечиться и корова, и волчица!»

Погодки, две сестры, оканчивали школу в разное время. Тамара выпустилась первой, а Лиля – через год. Старшая до последнего не знала, куда поступать.

– Ещё не знаю, где буду учиться, – нехотя отвечала Тома. Она даже не задумывалась над вопросом поступления, а когда пришло время подавать документы, подумав две минуты, на выдохе сказала: «В педагогический!»

Светловолосая девушка словно старалась не походить на других: красила волосы в тёмный цвет, одевалась по моде, а потом отдавала свои наряды Лильке, которая хотела походить на старшую сестру. Тётя Вера шила девочкам наряды, но Томка всегда просила их делать разными, рассказывала, какой фасон у наряда должен быть. Тётя покорно исполняла пожелания привереды.

Уставшая от тяжёлой работы тётя Вера как-то вечером, после мытья пола в домоуправлении, пришла уставшая и раздражённая.

– Не понимаю, зачем тебе педагогический? – спросила тётя Вера, доставая из сумки купленные только что пряники.

– А куда ещё? – безразлично говорила Тамара.

– Ты должна выбирать сердцем, ответственно!

– Лиля, кем ты хочешь стать? – спросила тётя Вера, сворачивая продуктовую сумку. Усталые глаза тёти смотрели пристально, растрёпанные волосы были неаккуратно подколоты шпилькой. Ещё недавно тётя Вера выглядела моложе. В свои сорок лет она высохла и согнулась. Сутулая спина в последнее время особенно искривилась.

– Я буду врачом, – сдержанно проговорила Лиля.

– Вот, учись у родной сестрёнки!

– Ни на кого смотреть не буду!

– Не повторяй, а учись её целеустремлённости! – поправила Тамару тётя Вера. – Пойми, что кроме вас двоих на земле никого нет ближе! Учитесь друг у друга! Я не могу вам заменить родителей, мне очень тяжело было все эти годы, пока вы росли. Да, я старалась как могла, давала вам тепло и уют, учила, кормила, одевала. Теперь вы стали большими и вправе выбирать свой путь в жизни, но мне бы хотелось видеть вас счастливыми людьми, поэтому выбирайте будущую профессию сердцем! Особенно это касается тебя, Тамара! Тебе легко давались предметы, ты умело считала и любила математику, но учиться не хотела, была вертлявой – поведение хромало всегда. С тобой мне было труднее, чем с Лилей!

– Ах, вот как! – обиделась Тамара. – Я была чужой!

– Это неправда!

– Я чувствовала, что Лиля ближе вам с первых дней!

– Вы для меня одинаково родные! Даже теперь, когда вы стали большими, я работаю на износ: мою пол, крою одежду массового спроса! Приношу с работы выкройки, и вечерами, уставшая, умудряюсь ещё шить вам платья! Я не знаю как угодить, сажусь вновь за машинку, думаю, что нужно шить свеженькие наряды! Какая глупая у вас тётя Вера, наивная...

Едва не расплакавшись, тётя Вера хотела уйти на кухню, но Тамара с обидой в голосе проговорила:

– Не нужны мне ваши платья! Вы никогда не задумывались, почему я держусь с вами на расстоянии? Только Лиля для вас божество! Мне твердили всегда, что равняться нужно на младшую сестру. А чтобы мы не путались под ногами и не давали поводов для сравнений, я... знаете, вот возьму и уеду подальше от всех! – крикнула Тамара.

– Не делай глупостей, доченька! – взволнованно сказала тётя Вера. Она специально назвала Тамару дочерью, чтобы задеть её чувства, пытаюсь напомнить, что именно она стала матерью двум маленьким девочкам, когда умерла их мама.

Смущённо, волнуясь, Лиля называла тётю Веру робким, едва уловимым на слух словом «мама». Пусть не всегда, пусть несмело, но называла. Лишь Тамара не могла пересилить себя. Кажется, она вовсе не думала о такой мелочи.

Уехала Тамара в далёкую и холодную Сибирь. Кажется, старшая сестра затаила обиду на всех: на тётю Веру, Лильку и вообще на весь белый свет. Вроде никто не враждовал, но осталась между родственниками недоговорённость. Поступила Тамарка в пединститут, на физмат. Писем домой почти не писала – так, несколько слов: «У меня всё хорошо, получаю стипендию, денег хватает, питаюсь нормально...» В начале зимы от Тома пришла бандероль. Прислала сестра своей младшенькой Лильке новое светло-голубое платье. В бумажном пакете вместе с платьем лежало письмо, адресованное Лиле.

*«Дорогая моя сестрёнка, – писала Тамара, – ты даже не представляешь, как я скучаю без тебя! Мне не хотелось говорить о старых обидах, но тётя Вера наговорила нам обоим много глупостей! Она припомнила всё: и неудавшуюся жизнь свалила на нас, и потерю надежд, и тяжелую работу. Разве наши с тобой платья, вечернее шитьё испортило ей жизнь? Дорогая, это не ропот на трудности, а жалобы на испорченную судьбу! Я специально купила тебе голубенькое летнее платье, чтобы тётя Вера не тратила своё драгоценное время на шитьё обнов. Обидные слова близкого для нас человека кольнули моё сердце! Мне хочется, чтобы ты знала: ни в чём мы не виноваты! Не показывай письмо тёте Vere, про платье скажи – подарок.*

*Хочу рассказать тебе о Томске. Город старинный, много особняков прошлого века. Летом в городе жара под сорок, а зимой – морозы под пятьдесят! В городе продают настоящие кедровые орехи, Лилька!*

*Знаешь, приезжай сюда! Будем учиться вместе, нам порознь жить нельзя! Встаёшь утрами на занятия, а на душе холодно, сразу вспоминаю маму... Приезжай, Лилька, сестрёнка!..»*

Тогда и Лилька решила поступать в Томск. А сейчас ей нужно было найти Томкину деревню. «Ехать автобусом?» – мысленно спрашивала она себя и тут же отвечала: «Что-нибудь придумаю, найду – не на острове живу!».

Бодрые мысли как-то обнадёжили, появились силы, и девушка решительно собралась искать сестру в далёкой местности. Она отправилась в

чём была – в лёгком светло-голубом платице, подаренном Тамарой, и босоножках – не переодевшись. Взяла сумочку с деньгами, взвалила на спину огромный узел и побрела на автостанцию – искать рейс в деревню Кузьминки.

Походила девушка по асфальтированной площадке, вокруг тишина: нет ни автобусов, ни пассажиров. Решила она спросить в кассе про рейс на Кузьминки. В небольшом окошке виднелась деловито-неприветливая девушка лет тридцати. Кассирша считала деньги, записывала цифры в большой журнал.

– Вы что! Автобус на Кузьминки ушёл тридцать минут назад!

– Как ушёл? – запаниковала Лилька.

– Спать надо было меньше!

Встревоженная, она едва не разрыдалась, как неожиданно к ней подошел пижонского вида немолодой мужчина. Словно чего-то опасаясь, подозрительно оглянувшись, он вполголоса спросил:

– Слышал, тебе в Кузьминки. Могу подбросить, правда, в кабине занято. Есть место в кузове. Там уже трое.

– Долго ехать? – бодро заговорила Лиля, глядя на водителя как на чудное спасение.

– Часа три. Будет остановка на обед.

– Я согласна.

– Деньги вперед.

В кузове находилось две женщины, которые помогли взобраться и устроиться возле кабины, чтобы меньше трясло. В будке рядом с водителем сидело двое мужчин. У одного из них был грубый шрам на левой небритой щеке, у второго была чёрная густая борода. Через маленькое оконце сзади кабины пассажиры часто оглядывались на Лильку и переговаривались. Девушка заметила, как на ветру раздувается её светло-голубое платье и видны оголённые колени.

Ехали быстро. Ветер трепал Лилькины волосы, не давал поговорить с попутчицами. Машина грохотала, ревел мотор. Уплывавшая вдаль просёлочная дорога тянулась к горизонту длинной извилистой змейкой. Вдоль дороги стояли густые леса. Девушка задумчиво смотрела вдаль, кажется, забыв о том, что её ждёт впереди: найдутся ли далёкие Кузьминки. О чём только думала Тамарка, когда собиралась в дальний путь! За много километров – в Алма-Ате – разве знает тётя Вера, что Тамара бросила свою сестру и помчалась в какие-то Кузьминки, где её, видите ли, ждёт работа!

Двое из кабины нахально поглядывали на ровные белые ноги девушки, и Лиля, смутившись, пересела ближе к краю борта.

Машина остановилась на окраине большого села, недалеко от фермы. Жара сменилась какой-то не по времени года сентябрьской прохладой. С востока потянулись серые низкие холодные тучи. Стало пасмурно, накрапывал мелкий дождь. Лиля была в одном платье, она быстро продрогла. Попутчицы объявили, что они приехали, пожелали счастливого пути и торопливо скрылись за углом деревенской улицы. Возле машины стали слышны грубые мужские голоса. В кузов заглянуло трое мужчин: подозрительный шофер, всё время воровато оглядывающийся по сторонам, пассажир с неровным уродливым шрамом на левой щеке и бородатый мужик в кожаной куртке. Бородач был явно навеселе, что-то громко говорил своим собеседникам и при этом сильно матерился, словно забыл правила приличия. Он встал на колесо, заглянул в кузов и выругался так, будто перед ним стоял телёнок, которого он должен был купить.

– В кабину хочешь? – спросил бородатый, но Лиля ничего не ответила.

– Там теплее, – добавил водитель. Его голос глухо доносился издали.

– Поеду в кабине, иначе не согласен, поняли меня? – заорал пассажир с уродливым шрамом. – А ты, пацан, садись в кузов!..

В кузов забрался парень лет восемнадцати с какой-то зазорной, совсем детской длинной чёлкой.

– Тебя как зовут! – серьёзно спросил юноша, глядя немного задиристо.

– Лиля.

– Алексей, – представился человек, дружественно подавая руку. Лиля поздоровалась, но резко отдернулась, как от огня.

– Ты городская? – спросил Алексей.

– Да.

– Сразу вижу вас – городских, – с лёгким пренебрежением сказал пассажир. – А я вот деревенский...

Лильке хотелось спросить: видимо, это предмет отличительной гордости, но не стала – не хотела вести беседу с незнакомым человеком.

– Учусь в политехническом, – не без гордости проговорил Алексей, – на заочном факультете.

– Хорошо, наверно, учиться? – не смогла удержаться от вопросов Лилька, пытаясь подколоть пассажира, чтобы он не задирал нос.

Парень охотно рассказал о себе. Он оказался на редкость общительным человеком, но действительно серьёзным. Лиля поведала о поручении сестры.

– Слушай, а ты не боишься садиться в машину с незнакомыми людьми? – спросил Алексей, всё так же немного задиристо глядя на Лилю.

– Мне добраться надо...

– Просто они что-то затевают против тебя, мне кажется...

– Я заметила. Они подозрительно смотрели всю дорогу на меня через окошко.

– До твоего села осталось километров семь, если раньше остановить грузовик, можно уйти. Я подам тебе твой узел, а ты беги в кусты. Притаись и жди, пока машина не поедет дальше, а потом топай вдоль дороги, пока не увидишь огни деревни.

Вдали, за деревьями, мерцали отблески заката. Мелкий дождь то припускал с новой силой, то вовсе переставал накрапывать. От холода и нахлынувшего страха Лилю стало буквально трясти. Грузовик резко затормозил посреди хвойного леса. Послышались быстрые шаги. В кузов начал карабкаться водитель. Мощные руки цепко держались за борт.

– Беги! – кричал Алексей. Оттолкнувшись от противоположного борта машины, он со всего маху пнул водителя прямо в лицо. Пижон упал вниз. Алексей схватил узел, быстро спустился. Рванув Лильку за худенькую слабую руку, шмыгнул в густые придорожные заросли. Ветки царапали девушке лицо, цеплялись за платье. Сзади слышались гневные крики догоняющих мужчин.

– Я их задержу! – крикнул Алексей. Передав девушке узел с тёплыми вещами и посудой, оттолкнув её, побежал вглубь леса.

Лиля побежала что было сил, но внезапно запнувшись, упала, расцарапала локоть. Тарелки, казалось, разбились вдребезги. Развязывать узел было некогда. Поднявшись, беглянка вновь пустилась наутёк. Звуки погони утихли – это Алексей увёл догонявших преследователей. Перепуганная Лилька продолжала бежать, будто спортсменка, у которой открылось второе дыхание.

Вскоре она устала и остановилась, пытаясь отдышаться. Лиля дрожала от страха. Не видела она долгожданных огней деревни. Страшные звуки сумеречного леса не давали ей покоя. Где-то рядом громко ухали неведомые птицы, были слышны подозрительные шорохи не то людей, гнавшихся за ней, не то животных, готовящихся напасть на Лильку. Она приседала возле трухлявых пней, пыталась закрыть уши своими маленькими, но не по-девичьи жилистыми руками, чтобы не слышать приглушённых звуков ночного леса.

Наступила полная тьма, сопровождавшаяся каким-то сумасшествием: скрипели покачиваемые на лёгком ветру деревья, таинственно потрескивали сучья, будто на них наступали люди. В каждом шорохе слышались шаги. Лилька не разбирала дороги – всё дальше и дальше, понимая, что заблудилась в этом жутком лесу.

«Ужас! Какой ужас!» – шептала Лилька.

Постепенно короткая летняя ночь начала медленно отступать, показался робкий рассвет, наполняющий лесную мглу тёплым радостным светом. Первые лучи утреннего солнца прорвались сквозь плотную шапку густо растущих берёз и размашистые ветви елей. Девушка вышла на просёлочную дорогу. Утро было тёплым, несмотря на то, что вечером накрапывал дождь и было холодно. Лёгкие облака медленно плыли по тёплому небу.

Извилистая дорога была пуста, но вскоре показалась лошадь, запряженная в скрипучую повозку. Жуткий скрип, казалось, раздавался далеко. В телеге сидел бородатый старик в потёртом коричневом пиджаке. Лиля обрадованно пошла навстречу повозке.

– Дедушка, вы куда едете? – проговорила Лиля, подойдя к человеку. Дед растерянно поднял взгляд, лошадь остановилась.

– А зачем тебе это знать, милая?

– Мне нужно попасть в Кузьминки.

– Я еду в район. Это в другой стороне. Твоя деревня недалеко отсюда.

Человек доверчиво улыбнулся и по-доброму добавил:

– Меня спровадили в школу привезти книги.

– В школу? – спросила Лилька, будто готовясь вскоре увидеть сестру, но не стала спрашивать, знает ли старик Тамарку – пусть везёт, самое главное – подальше уехать от места, где на неё едва не напали незнакомцы. Пусть через район, лишь бы не одной бродить по лесам. Лиля сразу воспряла духом: на лице исчезло изнеможение, распрямились усталые плечи.

– Ой, а меня с собой возьмете? – она была сама не своя от радости. Возница согласился: почему бы ему не подвести эту забавную девчонку, да и вдвоём ехать веселее. Лиля доверчиво посмотрела на старика. Уют и домашность исходила от чудного деда. С непринужденностью, словно при разговоре с родным человеком, Лиля рассказала всё, что с ней произошло за время путешествия. Старик её не перебивал, не задавал вопросов, только в конце рассказа покачал головой и заметил:

– Оно видно сразу – молодо-зелено. Кто же едет на ночь глядя незнамо с кем незнамо куда...

Солнце стало припекать. Листва берёз блестела от прошедшего вечером дождя. Где-то пела одинокая птица. Её голосок был слышен издали. Кричи не кричи – кроме двух едущих через лес в округе никого не было. Будто просила птица: «Отзовись, отзовись!» Под мерный скрип повозки Лильку сморил глубокий и спокойный сон. Пробудилась она от лёгкого, нежного прикосновения попугайчика. Возница проговорил мягким и добрым голосом:

– Эко тебя сморило, девонька!

– Мы приехали?

– Подъезжаем.

Старые дома ещё дореволюционной постройки – особнячки из дерева – уютно расположились вдоль узких улочек, поднимающихся в горку. Лиля заметила церковь: белое здание с покосившимся неподалёку забором. Берёзовая рощица подступала к старинным стенам, словно поглаживала высокую колокольню своими раскидистыми ветвями.

Телега подъехала к большому трёхэтажному зданию с колоннами. Оно напоминало скорее дом культуры. Крутая лестница вела к площадке с массивными дверями.

– Это что, театр? – удивлённо спросила пассажирка, оглядываясь вокруг. Старик не услышал вопроса, а лишь растерянно посмотрел на попутчицу, сомневаясь, она ли о чём-то спросила.

– Нет, девонька, это новая школа! – с гордостью ответил дедушка.

Взвалив на спину тяжеленный узел с посудой, Лилька оглянулась и увидела подводу, похожую на ту, что привезла её в район. Она подошла к телеге, в ней лежали учебники. Рядом с лошадью стоял мужчина лет сорока и курил, поглаживая пегую кобылу по морде.

– Вы случайно не в Кузьминки едете?

– Нет, но буду проезжать мимо – в село Листвянку дорогу держу.

Попутчик оказался неразговорчивым, дорога прошла в полном молчании, от того показалась длинной. Одно радовало Лильку, что телега не скрипела, как по дороге в район. Вспоминала Лиля паренька, который помог ей удрать из грузовика. Всё размышляла: удалось ли ему сбежать от разозлившихся попутчиков.

Ближе к вечеру показалась деревня Кузьминки. У каждого дома разбиты клумбы и палисадники с яркими и пышными бархатцами, переливающимися на ярком летнем солнце. Деревня была как на ладони. Дорога вела с горки – к неширокой заросшей вдоль берега камышом речушке. Когда въехали на центральную улицу, Лиля заметила мальчика в синих шортах. В правой руке он нёс удочку.

– Мальчик, скажи, где живёт учитель математики Тамара Степановна Гладкова?

– Тама, – недовольно проговорил малец, показывая в неизвестном направлении пустым ведром, – за школой третий дом справа.

– Ты что такой сердитый?

– А чего она, ваша Тамара Степановна, ставит двойки! Не успела приехать, уже три шкуры дерёт!

Лиля рассмеялась и пошла дальше пешком, простившись с мужчиной в подводе. Она следовала мимо двухэтажной деревянной школы с зелёным деревянным забором. Свежая краска ярко блестела, сливаясь с яркой травой. Добротный дом стоял немного отдельно от остальных. В окне виднелась знакомая фигурка сестры. Тамара с кем-то оживлённо разговаривала, но увидев Лильку, заторопилась выйти на улицу. Послышался топот ног, дверь распахнулась, и Тамара закричала от радости:

– Лиленька, приехала! Молодец! Пошли в дом. Я давно места себе не нахожу – как ты доберёшься.

Сестра трещала без остановки, видимо, чувствуя вину. Лилька молчала – в ней кипело негодование. Прошли в горницу. При виде радостного лица раздражение переросло в дикую ярость.

«Радуешься?! Радуйся, как твой близкий человек чуть не был настигнут бандитами, шёл по ночному лесу, вторые сутки голодная, без сна, ради чего? Да пропади она пропадом – эта посуда и твои дурацкие шмотки!» – подумала Лилька. Она с силой ударила ненавистным узлом прямо об пол. Раздался звон разбитой посуды.

– Получь-ч-чай свои черепки, остолопка! – отрывисто закричала Лиля, заплакав в голос. Тамара бросилась было к узлу, но тут же повернулась и принялась успокаивать сестру.

– Ну что ты, что ты! – гладила Тамара её по голове. – Бог с ней, с посудой! Надо было никуда не ехать, а вещи я бы забрала сама.

– Что! – с обидой и негодованием шипя проговорила Лиля. – Выходит, можно было не ехать?! Ах вот оно что! Я столько километров тряслась по разбитой дороге, чтобы ты мне заявила: «Бог с ней, с посудой!»

– Не стоила тёплая одежда таких больших трудов, – спокойно ответила Тамарка, продолжая поглаживать сестру.

– Убери свои руки! – отдёргнулась Лиля от старшей сестры. Негодуя, девушка хотела высказать, что Тома не права во всём. Её обида на тётю Веру, высокомерие к людям – признак слабости и дурного характера.

– Не буду с тобой мириться, пока не напишешь письмо тёте Вере, пока не попросишь прощения у человека, искренне переживающего за тебя, за твою судьбу! За нашу судьбу!..

– Ну что ты! – опешила Тамарка, впервые увидев всегда мягкую и добрую сестру твёрдой и даже упрямой. – Ерунда...

– Нет, не ерунда! – Лиля решительно пошла к выходу, но взволнованная сестра подскочила к ней. – Хорошо! Что ты как маленькая! Подумаешь, два человека не поняли друг друга, бывает...

– Ты должна помириться с тётей Верой! – твёрдым голосом говорила Лиля.

– Честное слово, извинюсь! – заулыбалась Тамара. – Пожалуйста, только не смотри на меня исподлобья!

Лилька быстро успокоилась, понимая, что может испортить отношения с единственной сестрой.

Только после ужина Лиля рассказала о своих приключениях. В который раз она пережила всё то, что произошло. Вспоминать было очень трудно, но слёзы уже не текли по горячим от волнения щекам, они остались там – в лесу, где её едва не настигли незнакомцы. Из головы не выходила судьба Алексея: где он? что с ним? Глубокой нежностью наполнялось сердце, когда возникал его образ – равнодушного, умного, отважного человека – настоящего защитника. Выслушав сестру, Тамара подняла взгляд и тихо произнесла:

– Знаешь, сестрёнка, посуда бьётся на счастье...

Вокзал был полон народу. Лиля уезжала на каникулы в Алма-Ату, а Тамара возвращалась в Кузьминки учительствовать. Пассажиры сновали, то и дело толкая друг друга.

– Ну теперь точно в путь, – взглядываясь в глаза, весело проговорила Тамара. – Передавай привет нашей тёплой Алма-Ате! Скажи, что я обязательно приеду.

Вышли на перрон, залитый солнцем. Раздался оглушительный, похожий на вой, гудок паровоза. Пар потянулся за вагонами.

– Двоек своим сорванцам не ставь, училка! – засмеялась Лиля. – Жалуются: три шкуры дерёшь, говорят!



– Как без двоек?..

– Кстати, смотри! – протянула конверт Тамара. На нём было написано: *«Город Алма-Ата. Зелёный переулок, 7, квартира 11. Бардышевой Вере Павловне».*

– Молодец! – обрадованно крикнула Лилька и обняла сестру.

– Думаю, что тётя Вера будет рада!

– Она ждёт это письмо...

Лиля попрощалась с сестрой и запрыгнула в вагон. Раздался гудок. Поезд дёрнулся. Махнув рукой, Лиля хотела было занять место в вагоне, но неожиданно увидела Алексея. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, участилось дыхание.

– Алексе-е-ей! – Лилька окрикнула парня, но её голос беспомощно растаял среди шума. Алексей шёл по перрону. Он словно почувствовал, что его зовут, его ждут и, наверно, любят. Парень оглянулся. Всё тот же чуб, по-мальчишески свесившийся на брови, большие добрые глаза...

– Лиля-я-я! – узнав знакомую, человек растерянно откликнулся, будто давно ждал встречи. Алексей бросился догонять поезд. Он попытался ухватиться за поручень последнего вагона, но высокая платформа закончилась, и паренёк остановился возле будки стрелочника, задохнувшись от быстрого бега.

Огромные клубы паровозного дыма пронесли мимо Лилькиного вагона и белой пеленой сплошной стеной непреодолимо разделили двух разминувшихся в жизни людей.